

**СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА
ПЛАТОН ЕЛЕНИН,
ИЛИ О КАПРЕАЛИЗМЕ**

**Юлий ДУБОВ. «Меньшее зло». Роман.
Москва, изд-во Колибри, 2005.**

Просматривая «Меньшее зло» Дубова, не мог отделаться от стойкого ощущения «дежа вю». Что-то эта книга мне напоминала, читанное-перечитанное. Потом понял: да это же «Повесть о настоящем капиталисте!». Кто денно и ночью печется о благе России и, в отличие от зловредных чекистов, готов положить на алтарь отечества душу и сердце? – Олигарх Платон! Кто умеет нежно и возвышенно любить и ради любимой может пойти на все? – Он же! А у чекистов жены пачками вешаются, а им хоть бы хны! Кто к товарищам милеет людскою лаской, а к врагам встает железа тверже? – Олигарх Ларри! На смену кавалерам “Золотой Звезды” и секретарям парткомов пришли новые герои-олигархи, иногда просто сменив таблички на дверях служебных кабинетов. И тут становится понятно: «Меньшее зло» – удачная пародия на советские производственные романы. Хотя, конечно, вся эта повесть не стоит финала «Большой пайки»: толпа трудящихся встречает на вокзале вернувшегося из эмиграции олигарха, тот залазит на «мерседес», «И такую я тут, батенька, архи... понес!».

Читайте «Меньшее зло» – очень смешная книга!

Игорь Андрианов

**«СВОБОДА СОВЕСТИ
В БЕССОВЕСТНОЙ СТРАНЕ»**

Нужен ли *Крещатик*? Чем он отличается от других бесчисленных литературных журналов русской ойкумены?.. В советское время их было не больше ста по обе стороны Атлантики. Блаженные годы! Всё-то тогда было ясно...

Крещатик – журнал всемирный, а не украинский, то есть именно ко всей русской ойкумене обращен. Это уже неплохо. В духе времени. С прицелом на единое информационное пространство... К тому же – толстый журнал. К тому же составляется в Германии, где по-русски читают сегодня, худо-бедно, пять миллионном человек (впрочем, печатается в Питере, а распространяется в России, на Украине – повсюду). *Крещатик* не платит гонорары, то есть его авторы *служат* литературе (или чему-то еще) совершенно бескорыстно. Сплошные плюсы! А сверх того – журнал не является кружковым, эстетически всеобъемлющий, открыт для всех, – с единственной оговоркой: нацелен на то, чтобы дать небольшую фору литературному захоластию. Опять замечательно! При сегодняшнем рассеянии иначе нельзя. И раньше нельзя было. Провинцию слишком долго держали под башмаком. Тут, между прочим, и ключ к названию. Журнал затеян выходцами с

Украины, где и в советское-то время непросто было прослыть русским писателем. Всё талантливое и пробивное стягивалось в Москву и на берега Невы. А непробивное? Сколько дарований похоронила центростремительная система, душившая провинциальную жизнь? При беглом взгляде – одного Чичибабина видишь да прозаиков-деревенщиков, по большей части совсем не бесспорных...

Но наши недостатки суть продолжение наших достоинств.

Отсутствие вознаграждения отталкивает профессионалов. Рафаэль, Микеланджело и Бенвенуто Челлини не за прекрасные глаза свои шедевры создавали. Не будь у итальянцев жажды прекрасного и готовности платить за него – не было бы Ренессанса.

Провинция родит таланты (вспомним Одессу начала двадцатого века), провинциальность *бывает* плодотворна, – но провинциальная жизнь не способствует становлению таланта. Алмаз сперва гранят, мытарят, а затем выставляют на суд знатоков, оценивают, ценят. Без этого он себе не равен. В сегодняшней русской глубинке таланту немногим легче, чем при Брежневе. Одно утешение: самиздат стал всемирным благодаря Интернету. Но лучшие авторы *в массе своей* – всё равно не в Тамбове, а либо в благополучных странах, либо в российских столицах, бывшей и теперешней.

Эстетическая широта мила разуму, но не сердцу. Авангардист и консерватор за один стол садятся неохотно. Попытка отразить все течения делает журнал аморфным, никаким. Да и что такое «все течения»? Их львиная доля высосана из пальца. Человек-то меняется медленно, его подлинный эстетический запрос, голодом и иными нуждами не подкрепленный, не ждет, не жаждет нового -изма или новой формы каждые пять-десять лет. Новые течения приходят с Запада, который для россиян то прогнанный, а то и передовой. Что Запад по части эстетики – в чудовищном, небывалом тупике, открывающие его россияне не видят. Все художественно подлинное на Западе задвинуто в дальний угол, в арьергард. На поверхности – мыльные пузыри в духе *художницы* Трэйси Эмин, выставившей в галерее Тэйт свою разобранную кровать после ночи любви. Молодой человек, у которого шевельнулось под сердцем слово, сознает это. Если его цель – слава и благополучие, а не искусство, он отыскивает себе доцента в престижном университете, уже пасущего свое небольшое стадо поэтов или прозаиков, и начинает писать под его, доцента, -изм, – а тот знай себе монографии выпускает. Все довольны и сыты. Россияне уже переняли этот опыт.

Именно об этом думаешь, перелистывая *Крещатик*. Вот готовое произведение под названием *Двойной свет*:

Бледнеет мир С незримых гор
 Меня Пронизывает Светом
 Который Свет И тот Сапгир
 Со мной Беседует Об этом

А вот другое:

Белый пепел поет на своем бельканто
 Петел белый звенит
 И не жалко слушателей но музыканта
 жаль за то что закатанные в зенит

пусты глаза его той пустою
 какая воспроизводит себя каждый вечер после семи
 исключая субботы и среды, время простоя
 зону отдыха Бога семьи

В первом *стихотворении* вы автора угадали, потому, что он, в лукавой предусмотрительности, ввел свое имя в текст. Во втором – и не пытайтесь, хотя это тоже известный покойник. Не пытайтесь потому, что на самом деле у таких *текстов* авторов нет, а в текстах – нет ничего авторского, творческого. Они неотличимы, какое бы имя под ними

ни стояло. В первом *произведении* нам предлагают восхищаться *пробелами* между словами, прописными, поставленными некстати, отсутствием знаков препинания; во втором – *запятой*, сиротливой, как сапог на пашне, и прописной в обозначении не Бога, а языческого божка. Чем еще? Больше тут нет ничего. Перед нами подделки, к искусству отношения не имеющие.

А вот *текст*, выполненный в традиционной эстетике:

... Мой поезд стучал кирзачами колёс
по железнодорожному кругу,
и нёс меня, выл, матерился, но нёс.
Губой прилипал я к окурку.
И сплевывалось с выкриком в пустоту:
«Куда? Нет пути там! У края!»
Простукали Котлас, Инту, Воркуту
и тундру. И туча Урала...

Можно не продолжать. Это фрагмент длинной баллады, но она вся тут, как на ладони. Запятые на месте, а беда – совершенно та же, что у *новаторов*: словоблудие, клоунада. Имя таким текстам – легион. Сочинители забыли, что художественное произведение требует душевной работа, аскезы.

При этом вот что досадно. Добротные стихи и проза преобладают в *Крещатике*, но совершенно теряются на фоне парада бездарностей. Спрашивается: зачем всё это редактору журнала Борису Марковскому, который сам – одаренный поэт? Для предствительности? Тогда игра не стоила свеч.

Вот парадокс! Журнал, созданный с самыми благими намерениями, с самыми благородными предпосылками, без тени коррупции, наоборот, выстрадавший самоотверженной работой редактора, воздвигнувшего этот монумент буквально на голом месте, журнал, в котором *много* настоящего, – производит самое неблагоприятное впечатление. Его демократичность чрезмерна, его неразборчивость простирается до промискуитета. Перед нами самиздат в худшем своем проявлении. Говоря словами Ходасевича, храм русской словесности превращают в дом терпимости.

Так нужен ли *Крещатик*?

Прежде, чем ответить, приведем стихотворение москвича Игоря Большева:

Эпоха кончилась, эпоха умерла.
Ты проводил ее под ручку до угла,
Небрежно бросил на прощание *пока*.
Кто ж мог подумать, что вот это – на века.

Ты не любил ее. За пошлую тоску,
За прядку потную, прилипшую к виску,
За туфли сбитые, за мучениц-княжон.
Ты был эстет, ты был пижон, ты был смешон.

Она ушла, и не осталось ничего.
Ни от тебя, ни от нее, ни от кого.
Пустые рамочки на выцветшей стене.
Свобода совести в бессовестной стране.

Перед нами не шедевр, а просто честная поэтическая работа, но как это много! Живой звук, сопряженный с мыслью и движением нравственного чувства, – всегда подарок, всегда рукопожатие. Могли эти стихи попасть в другой литературный журнал? Могли. В Москве дверей много; к какому-нибудь кружку Большев да примыкает, где-то да свой. Но попали они в *Крещатик*, и благодарны мы *Крещатику*. Если они нигде прежде

напечатаны не были, они могли не сохраниться (вообразим такое), – при этом не то чтобы мир рухнул бы, а всё же мы с вами были бы беднее.

Самиздат вообще дал гораздо меньше, чем принято думать. Его значение не в шедеврах, которых он принес с гулькин нос, а *в живом демократическом осуществлении свободы слова*. И – «свободы совести в бессовестной стране». Времена сейчас на дворе в известном смысле не менее бессовестные, чем советские, и свободой стоит дорожить.

Что до шедевров, то с ними та трудность, что они видны не сразу и не каждому. Что если мы по небрежности, по неподготовленности – проглядели их в двадцати толстых книжках, выпущенных Марковским? Такое возможно. Тем самым и ответ получен. *Крещатик* – нужен.

Юрий Колкер